

КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ

Л.В. КОЛЕДИНСКИЙ “ВЕРХНИЙ ЗАМОК ВИТЕБСКА (IX–XVIII вв.)”
(Гродно: ЮрСаПринт, 2021)

© 2022 г. П. Г. Гайдуков^{1, *}, В. Ю. Коваль^{1, **}, Н. В. Лопатин^{1, ***}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: russianchange@yandex.ru

**E-mail: kovaloka@mail.ru

***E-mail: n.lopatin@gmail.com

Поступила в редакцию 14.01.2022 г.

После доработки 14.01.2022 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

DOI: 10.31857/S0869606322020106

Только что вышедшая из печати книга известного белорусского археолога Леонида Владимировича Колединского принадлежит к числу тех изданий, которые принято называть “долгождан-ными”. В ней в обобщенном виде представлены материалы раскопок, проведенных еще в 1977–1993 гг., которые ранее появлялись в научной печати в виде отдельных сюжетов, публиковавшихся автором. И хотя с момента завершения раскопной эпопеи прошло уже 30 лет, эти материалы ни в малейшей мере не устарели и не утратили своей актуальности.

Книга состоит из Введения, пяти глав, Заключение и Приложения (описания строительных ярусов), кроме того, к ней прилагается CD-диск, на котором записаны чертежи строительных ярусов раскопок конца 1970-х годов (60 рисунков).

Во Введении изложена история археологического изучения Верхнего замка (детинца) средневекового Витебска с акцентированием внимания на исследования 1977–1993 гг., начатые М.А. Ткачевым (1942–1992 гг.) и продолженные затем самостоятельно автором (с вполне понятным перерывом, пришедшемся на 1989–1992 гг.). Всего за эти годы была исследована площадь 2238 м², из них более 2/3 были исследованы под руководством автора (или с его деятельным участием). Правда, до материка удалось изучить только около 1/4 вскрытой площади, но причиной тому было обнаружение деревянных построек, которые были законсервированы для планировавшейся музеефикации (некоторое время они даже экспонировались во временном укрытии), которая, к величайшему сожалению, так и не была проведена несмотря на все усилия, предпринимавшиеся Леонидом Владимировичем и Институтом истории Академии наук Беларуси для ее осуществления. Ситуация, к сожалению, типична для археологии Беларуси и России, не-

смотря на отдельные удачные проекты (например, музей в Берестье).

В главе 1 рассмотрены вопросы исторической топографии, остатки оборонительных сооружений и дана общая оценка культурного слоя Верхнего замка. И если для исторической топографии всего города проведенные раскопки дали относительно немного новых данных, поскольку затронули лишь один из участков Верхнего замка, то открытие оборонительных сооружений стало поистине сенсационным. Верхний замок не сохранил до нашего времени “валов” — привычного топографического атрибута средневековых городов Руси, поэтому обнаруженные остатки древо-земляных укреплений на краю площадки памятника, обращенной к реке Витьбе, на мысу при впадении которой в Западную Двину и стоял древний город. Публикация планов и фотографий раскопок 1977–1978 и 1988 гг. дает представление о том, что поверх культурного слоя мощностью 1–2 м была воздвигнута стена перекладной конструкции, от которой сохранилась, разумеется, только самая нижняя часть, но на высоту до 2.5 м — 12 рядов бревен, уложенных поперек трассы стены и разделявшихся перпендикулярными им рядами продольно размещенных бревен. Витебская стена перекладной конструкции может рассматриваться как одна из наилучшим образом сохранившихся (и исследованных) на территории Древней Руси. Особую ценность она приобретает еще и потому, что благодаря дендрохронологическому изучению спилов (по породному составу древесины преобладали сосна и ель, реже встречалась береза) удалось установить дату строительства — не ранее 1140 г.

К сожалению, в книге представлены далеко не все чертежи профилей и планов, снятых при изучении фортификации (основное внимание уделе-

но жилой застройке), однако и того, что введено в научный оборот, достаточно для понимания конструкции стен города. Правда, Л.В. Колединский, в соответствии с господствовавшей в 1970–1990-х годах концепцией П.А. Раппопорта (иной концепции тогда еще и не существовало), называет выявленные остатки стен “внутривальными конструкциями”, хотя осведомлен о современном состоянии проблемы и знаком с трудами Г.В. Борисевича и Ю.Ю. Моргунова, убедительно доказавшими, что “внутривальными” эти конструкции называть неверно, поскольку вокруг городов не насыпали валы, а строили древо-земляные стены. Но трудно ставить этот анахронизм в вину автору, лично консультировавшегося у П.А. Раппопорта, посещавшего раскопки Витебска. В его задачу входила публикация добытых материалов, а не дискуссия об интерпретации открытых оборонительных конструкций.

Проблема тут видится в другом: автор рассматривает весь “вал” в качестве единовременно воздвигнутого сооружения высотой до 6 м, в то время как сложная стратиграфия раскопов 1977–1978 гг. и 1988 г. показывает, что в действительности тут оказалась “спрессована” многовековая строительная история, в которой построенная в 1140-х годах стена перекладной конструкции была лишь первым (для данного конкретного места) эпизодом фортификации. Какие оборонительные сооружения сменили эту стену (вряд ли она простояла в первоначальном виде долее чем до конца XII в.), не ясно. По опубликованным профилям (без плановых планов, в особенности – верхней части раскопов) понять это затруднительно, причем относительно небольшая площадь вскрытий и поврежденность верхней части отложений современными перекопами оставляют мало шансов для попытки ответить на вопрос, были ли тут после разрушения стены перекладной конструкции построены новые стены из обычных для Руси городской или же действительно создавалась насыпь. В последнем случае надо было бы говорить уже о значительно более позднем времени (XVI–XVII вв.), когда появилась земляная бастионная фортификация. В XIV в. у Витебска, вероятно, появилась каменная стена, валунный фундамент которой был зафиксирован на гребне “вала” в одном из раскопов в 1978 г. К сожалению, по мелко-масштабной схеме размещения раскопов (рис. 16) очень трудно понять, как соотносился раскоп с фундаментом каменной стены и “вал” с остатками стены перекладной конструкции в основании. Но отсутствие остатков валунных фундаментов в раскопах 1977 и 1988 гг. заставляет думать, что трасса каменной стены проходила со значительным отступом внутрь города от линии ранних укреплений. Все это показывает, что оборонительные сооружения средневекового Витебска остаются пока еще очень слабо изученными и тут

имеется огромный потенциал для будущих исследований.

Вторая глава книги посвящена планировке и застройке изученного участка Верхнего замка. При этом основное внимание уделено самому большому по площади раскопу 1977–1978 гг.¹, где благодаря прекрасной сохранности органических материалов в “мокром” культурном слое удалось вскрыть и исследовать деревянные конструкции домов и мостовых 11 строительных периодов (от периода 6 до периода 16, т.е. с середины XII до конца XVII в.), тогда как ранние строительные периоды (IX – первой половины XII вв.) были фрагментарно изучены на других раскопах в этой же части города. Некоторую сложность восприятия создает лишь то, что нумерация строительных периодов проведена “снизу вверх” (от древнейших к новейшим), а строительных ярусов – “сверху вниз”, по мере вскрытия, к тому же на раскопах разных лет ярусы нумеровались по-разному. В книге все ярусы синхронизированы, но оставлены со своей полевой нумерацией. Глава включает описания, чертежи и фотографии деревянных построек и их конструктивных деталей, дающие целостное представление о характере застройки и ее трансформации во времени. Особое внимание уделено конструкции дверей – одному из самых малоизученных элементов жилищной архитектуры. Сведения об отдельных постройках (их конструкции, площади, назначении, дендродатах) сведены в специальную таблицу (табл. 4), однако в ней нет данных о линейных размерах этих построек и часто в одной строке даются сведения о двух-трех постройках одного строительного яруса, к тому же в таблицу не включены данные по мостовым. Впрочем, эти недостатки компенсируются подробными описаниями сооружений всех строительных ярусов в Приложении и упоминавшимся выше чертежами на CD-диске. Огромный по объему материал (104 постройки и 6 ярусов мостовых) представлен в максимально возможной полноте. Завершается глава кратким обзором строительных материалов каменного зодчества: кирпичей, черепицы, плиток пола, оконного стекла, смальты.

Самой большой оказалась глава 3 (“Характеристика вещевого материала”) – она составила почти 1/3 объема книги. Что и неудивительно, ведь коллекция вещевого материала превысила 3000 единиц хранения, причем значительную ее часть составили предметы из органических мате-

¹ К сожалению, раскопы, пройденные в одном и том же году, но в разных местах, не нумерованы, поэтому при их упоминании создается путаница. Так, в 1977–1978 гг. вскрывался не только раскоп большой площади на ул. Пушкина, но и проводилась прорезка вала (см. выше), а также были пройдены несколько шурфов. Хотя все эти объекты помещены на сводном плане (рис. 16), упоминание их в тексте неизбежно приводит к контаминации.

риалов. Глава подготовлена по классическим канонам археологических публикаций и представляет находки в разделии по материалу изготовления (черный и цветной металл, дерево, кость, камень, стекло, кожа, керамика). Богатейший комплекс находок, безусловно, уже стал эталонным и в таком качестве может и должен использоваться археологами Беларуси и России. Обратим тут внимание на то, что автор не просто перечисляет находки и указывает им аналогии из других городов Беларуси и Новгорода (а в ряде случаев и из других древнерусских городов), но и пытается реконструировать процессы производства некоторых изделий, предлагает объяснения предназначения вещей неясной атрибуции.

Второй (после дендрохронологии) основой для датирования культурного слоя всегда выступает массовый керамический материал. Он подробно описан в книге, проиллюстрирован преимущественно зарисовками профильных частей и немногочисленными фотографиями, которые дают в целом полное представление о керамической посуде. Отсутствие статистических данных по стратиграфическим слоям, строительным горизонтам и отдельным комплексам (постройкам), конечно, достойно сожаления, однако в тексте раздела все же имеются некоторые количественные данные, характеризующие описываемые разновидности керамики, в особенности — редкие и хронологически значимые (поливная, чернолощеная посуда).

В четвертой главе подводятся итоги изучения материальной культуры исследованной части города (она названа “Хозяйство, быт, духовная культура”). Традиционно для археологической науки проводится разделение добытых сведений для характеристики ремесла, сельского хозяйства, подсобных промыслов, торговли, духовной культуры. Здесь нужно обратить внимание на широкое привлечение к исследованиям специалистов в разных областях естественных наук, проводивших археоботанический и археозоологический анализы (особенно интересны исследования породного состава рыб), спектральный анализ стекла и железных шлаков. В результате к собственно археологическим данным добавлены дополнительные характеристики, важные для атрибуции находок и реконструкции системы жизнеобеспечения жителей Витебска. Объем новой информации тут столь велик, что исключает возможность даже краткого перечисления полученных выводов и наблюдений.

Пятая глава книги названа “Проблемы охраны и сохранения археологического наследия Верхнего замка Витебска”, но ее правильнее было бы назвать одним емким словом “Реквием”. В ней по-

следовательно описаны все утраты, понесенные городским культурным слоем в результате строительной деятельности, не предварявшейся раскопками. Приведены многочисленные решения и постановления властей города и республики, требовавшие сохранения и изучения древностей, показано, как эти решения систематически не выполнялись несмотря на многочисленные обращения археологов и общественности, привлечение органов прокуратуры, охраны памятников и т.п.

Разумеется, самый болезненный для автора книги сюжет — история борьбы Института истории Академии наук Белорусской ССР за музеефикацию открытых при раскопках 1977–1978 гг. уникальных деревянных строений, мостовых и городской оборонительной стены. Археологам удалось добиться строительства временного навеса над раскопом, разработки нескольких проектов музеефикации открытых деревянных сооружений, однако дальше этих проектов дело не двинулось и через несколько лет, и после неизбежного обрушения временных конструкций и гибели древних деревянных построек, места раскопов, предполагавшихся к музеефикации, были засыпаны. Музеефикация не состоялась. Л.В. Колединским скрупулезно собраны и опубликованы все документы, связанные с этой катастрофой, названы имена чиновников, бездействие или даже прямое противодействие которых усилиям археологов стали причиной гибели уникальных археологических памятников. Подлинные фотографии, запечатлевшие уничтожение культурного слоя в историческом центре города ковшем экскаватора и ножом бульдозера, никого не могут оставить равнодушными.

В разделе “Заключение” автор попытался отменить мрачный финал своей книги кратким очерком истории Витебска, в котором скупые строки письменной истории дополняются данными, добытыми при раскопках, и проиллюстрированы художественными реконструкциями городского ландшафта на различные исторические периоды.

В целом книга белорусского коллеги является примером скрупулезно выполненного долга археолога перед обществом: он не только качественно раскопал доверенный ему участок древнего города, тщательно зафиксировал все выявленные детали и находки, но и научно обработал, осмыслил добытый материал, а теперь и опубликовал его. Мелкие недостатки этой титанической работы (которые совершенно неизбежны) не должны заслонять те достоинства книги, которые совершенно очевидны и вызывают глубокое уважение к ее автору.